

наруживаются как в приведенных Хёфлером эллинском и индийском примерах, так и в трактовке смеха в эддических песнях, которых, к сожалению, он не анализирует, видимо, полагая, что его истолкование «Лягушек» и гимна «Ригведы» проливает достаточно света на песни «Эдды». Но если современники Аристофана, а возможно, и древние индийцы, достаточно четко отграничивали «физику» от «метафизики», то это весьма сомнительно в отношении германцев. Такое обособление и противопоставление трансцендентной сущности и видимой манифестации божества предполагает совсем другое состояние культуры, нежели то, какое имело место у германцев, и скандинавов в том числе. А ведь точка зрения Хёфлера исходит именно из такого противопоставления. И в этом, как мне кажется, — ее уязвимость.

Оставляя Аристофана и «Ригведу» на суд специалистов⁷, я хотел бы еще раз подчеркнуть отмеченное выше обстоятельство: комическое снижение образа Тора, как и других асов, в песнях «Эдды» вряд ли поддается безболезненному отчленению от демонстрации в этих же песнях космического конфликта, заложенного в самой основе мира, как он мыслился германцем, конфликта между силами мироустройства, культурного созидания, сосредоточенными в Мидгарде, и силами хаоса, Утгарда⁸, стремящимися этот мир разрушить. Ничего более серьезного и трагического, чем борьба богов и людей, с одной стороны, и чудовищ — с другой, германцы представить себе были не в состоянии. И вместе с тем возвышенная патетика здесь тесно сопряжена с комическим аспектом, который, таким образом, не самостоятелен, не замкнут в себе самом. Смешное и трагическое, низкое и возвышенное оказываются двумя полюсами целостного мирозерцания.

Допустим, вслед за Хёфлером, что в «Лягушках» Аристофан высмеивал не самого Диониса, но его антропоморфное воплощение. Такое разграничение между богом и его видимым несобственным образом, вероятно, осуществимо в театральном представлении. Но как отделить Тора, Одина и других асов от тех персонажей, какие фигурируют в песнях о богах? В работе Хёфлера нет указаний на сей счет. Такого рода отделение и противопоставление трудно предположить даже в том случае, если считать, что «Перебранка Локи» и подобные ей песни некогда были своего рода «ритуальными драмами». Между тем, в песнях «Эдды» осмеивается не одна только внешность асов (скажем, лохмотья Тора), — в них потешаются над многими сторонами их поведения, над их аморальностью и первертностью. Осмеиваются боги как таковые. «Перебранка Локи» в особенности дает концентрированную картину их отрицательных свойств и поступков, глубоко предосудительных ситуаций, в которых они подчас оказывались.

При этом можно заметить, что обвинения, которые Локи бросает богам и богиням, равно как и обвинения, которыми они ему отвечают, по большей части не расцениваются ими как ложь, во всяком случае, всерьез, — эти упреки они считают обоснованными. Боги и в самом деле были повинны в трусости, прелюбодеяниях, извращениях, в сношениях с теми, кому обязаны были мстить за убийство сородичей, в колдовстве, в нарушении справедливости и в иных подобных же проступках, они действительно не раз попадали в смешное или унижительное положение. Кое-что из того, о чем говорится в «Перебранке Локи», подтверждается другими памятниками; ни асы, ни Локи не опровергают бросаемых им обвинений. Богов возмущает, по-видимому, не клевета, а дерзость Локи, нарушение им мира на пиру.

⁷ Что касается гимна пьяного Индры, то, как любезно сообщил мне А. Я. Сыркин, предложенное О. Хёфлером толкование весьма сомнительно.

⁸ Утгард — «то, что находится за оградой усадьбы», — мир чудовищ и великанов. Оппозиция Мидгарда и Утгарда — основополагающая оппозиция; в «модели мира» германца.